

— Девушка Цинь! Девушка Цинь! — Ли-ши, расплылась в улыбке, бросилась вперёд и, пока ошарашенная Цинь Пин не успела среагировать, резко схватила её за руку.

Ли-ши, женщина, много лет работавшая в поле, обладала немалой силой. Она даже и не думала сдерживаться, а Цинь Пин - всего лишь четырнадцатипятилетняя девушка, только-только достигшая совершеннолетия. В результате этого резкого рывка Цинь Пин откинулась назад и с грохотом села на землю.

Погода стояла холодная, земля промёрзла, и от такого удара Цинь Пин чуть в обморок не упала. Лишь с трудом придя в себя, даже несмотря на то, что перед ней стояла родная сестра её жениха, ярость внутри уже было не унять.

— Чжао Ли-ши*! Ты что, с ума сошла?! — закричала она, не заботясь ни о приличиях, ни об уважении, и в сердцах выпалила имя будущей золовки.

(ПП: -ши - приставка к девичьей фамилии. Получается «жена Чжао, в девичестве Ли»)

Ли-ши, понимая, что действительно виновата, смущённо почесала нос и неловко пробормотала:

— Ну, это... Просто увидела свою будущую невестку, разволновалась, вот и не сдержалась. Прости, не держи зла на старшую сестру!

Обычно Ли-ши ни разу не упускала случая презрительно посмотреть на Цинь Пин, пользуясь тем, что её младший брат - учёный человек. Как-никак, её брат обладает и военными, и литературными талантами, он полон знаний и амбиций, и рано или поздно он обязательно с блеском сдаст экзамены и станет большим чиновником. Как такой человек может связывать себя с какой-то базарной девчонкой или грубым простолюдином? В будущем, когда её брат вернётся домой с лаврами победителя императорского экзамена, не то что Цинь Пин, даже дочь какого-нибудь знатного рода станет ему под стать.

А если удача будет на его стороне, и он сумеет угодить самому императору на золотом троне, то и женитьба на принцессе не станет недостижимой мечтой. Так что этот брак с семьёй Цинь по сути просто попытка зацепиться за более высокий статус. Только вот её брат, видимо, был околдован Цинь Хэ, и не просто согласился на брак с ним, а в придачу ещё и Цинь Пин захотел взять в жёны. Разве это не выглядит так, будто вся семья Цинь вцепилась в него мёртвой хваткой, пытаясь извлечь выгоду?

Вспоминая всё это, Ли-ши снова ощутила, как ярость закипает в груди, и на лице у неё не осталось ни капли доброжелательности. Но сегодня ей было нужно кое-что от Цинь Пин, поэтому ей пришлось вынужденно натянуть улыбку и даже, скрепя сердце, назвать её «невесткой».

Цинь Пин сначала была в бешенстве, но услышав это «невестка», словно ведро холодной воды вылили на голову, вся ярость враз улетучилась. А стоило ей подумать, что совсем скоро она

выйдет замуж за брата этой Чжао Ли-ши, как на её лице тут же появился румянец и застенчивая девичья улыбка.

— Се... сестра... — Цинь Пин застенчиво окликнула её. Раньше она хотела так обращаться к Ли-ши, но та никогда не позволяла. Стоило ей осмелиться назвать её сестрой, Ли-ши обязательно отпустила бы колкость, да так, что было бы стыдно на улицу выйти.

Ли-ши, глядя на то, как эта девчонка льет мёдом, словно и не было ничего, про себя выругалась не раз, но на лице её сияла улыбка, как майский цветок.

— Слышала от своих, — с притворным весельем сказала Ли-ши, — что свадьба у вас с моим братом назначена на сразу после Нового года?

— Угу, — Цинь Пин, вся заливаясь краской, застенчиво кивнула.

Ли-ши подумала: уж раз сумела тайком увести мужика, так чего теперь притворяться целомудренной девицей. Но вслух она продолжала говорить с притворной любезностью:

— Значит, сейчас вышла за покупками, готовишь приданое?

Глядя на то, что держала Цинь Пин в руках, сразу стало ясно - мелочи для предстоящей свадьбы.

Цинь Пин залилась ещё более ярким румянцем и ещё более застенчиво кивнула.

Ли-ши презрительно скривила губы и с наигранной небрежностью начала прощупывать почву:

— Всё-таки, у тебя судьба завидная. Твой старший брат вышел за такого богатого зятя. Глядишь, после свадьбы тебе тоже на приданое щедро отвалят?

Цинь Пин недовольно надула губки:

— Какой там богатый, просто вонючий бродячий торговец, сколько у него может быть денег? И вообще, деньги - это ещё не всё. Кто в Дишуге не знает, что за зверюга этот Куй У? Он ведь настоящий Ша-шэнь, кто с ним не боится рядом стоять. Цинь... ну, мой брат, он сам-то за себя постоять не может, так кто ему даст право решать за меня, какое приданое мне давать... Ещё бы не убили его до возвращения в родительский дом!

Ли-ши на мгновение опешила. Сцена, которую она только что видела, совсем не походила на то, что описывает Цинь Пин. Куй У угощает своего фулана и жареной колбасой, и рубцом, и лепёшками с бараниной - одно угощение за другим, прям как ребёнка балует. Да и она, как женщина с опытом, с первого взгляда увидела, что Куй У к Цинь Хэ не просто с интересом

относится, он им увлётся. Глядел на него, как волк на мясо, с огнём в глазах, явно души в нём не чаёт.

Неужели в доме Цинь об этом ничего не знают? Всё ещё в неведении? Если так, нужно непременно донести. Ведь это ведь... всё должно достаться её младшему брату.

— Правда? — удивлённо протянула Ли-ши. — А я вот только что встретила твоего брата. Он с Куй У был, и, гляжу, у них всё хорошо. Твой брат даже и слова не сказал, просто немного дольше посмотрел на лавку с жареными колбасками, а твой зять тут же пошёл и встал в очередь. И это ещё не всё, после колбасы купил ему суп из потрошков, потом ещё и лепёшку с бараниной. А напоследок, прежде чем я ушла, они зашли в лавку тканей и купили хлопка.

Как и ожидалось, выражение лица у Цинь Пин сразу изменилось, в глазах вспыхнул алчный огонёк. Ли-ши, почуяв победу, хитро прищурилась и добавила:

— Вы с моим братцем хоть и поженитесь только после Нового года, но весной ведь всё равно холодно. Говорят же: «весной кутайся, осенью закаляйся». Вот если бы тебе сшили свадебное платье с подкладкой из настоящей ваты, да ещё и ярко-зелёного цвета, да чтоб ткань была хлопковая... Ох, это была бы красота! Такая невеста точно прославилась бы на всю округу. Все бы в пример тебя ставили: и нарядна, и богата. А главное, никто бы с тобой не сравнился.

Хлопковая ткань появилась только в последние годы, раньше за неё платили как за шелка. Потом, конечно, подешевела, когда многие научились делать, но всё равно считалась тканью из лучших. Для таких, как они, простых людей, и грубая бязь уже норма. А вот хлопок - это уже роскошь, богатство.

Цинь Пин слушала, и глаза её всё больше наливались алой жадностью.

Когда Ли-ши увидела, что «огонь почти разгорелся», она, не спеша, подлила масла:

— Куй У хоть и зять новый, но перед свояченицей ведь тоже лицом ударить не может. А если вдруг упрётся, на то и родители есть. Это ж им стоит только в первый раз рот открыть, разве может он не дать? Как бы он ни упирался, но если отец с матерью попросят, разве посмеет отказать?

Она подалась чуть ближе, понижая голос, будто нащёптывая правду жизни:

— Даже если он из-за этого разозлится, всё равно злобу на тебя не выльет. В худшем случае дома за дверьми Цинь Хэ пару раз всыплет и всё. Но скажи сама, если за пару затрецин можно выторговать тебе, сестре, несколько цзиней хлопка да отрез ткани, разве оно не стоит? Я уверена, он сам, как разумный, согласится, даже благодарен будет.

Да! — Цинь Пин почти вслух повторила эти мысли. Если бы дело происходило до помолвки,

отец с матерью и впрямь могли бы ещё колебаться, чью сторону занять, её или старшего брата. Но теперь, когда она уже обручена с Ли Чанфу, всё иначе: её статус в доме вырос, а родители надеются на светлое будущее рядом с зятем-чиновником. Разумеется, они будут за неё.

Теперь всё иначе.

Её старший брат уже вышел замуж за Ша-шэня Куй У. Такой брак - это на всю оставшуюся жизнь. Скажем прямо, кто знает, когда он однажды попадёт под горячую руку и будет забит до смерти? Даже если выживет, всё равно вряд ли сможет как-то помочь родне.

А она - другое дело. Стоит только Ли Чанфу сдать экзамен и получить учёное звание, и она станет женой цзюйжэня, уважаемой дамой. И родители, и младший брат сразу же поднимутся, заживут в почёте. Самое главное, родители ведь надеются, что она сможет, пользуясь покровительством семьи Ли, поддержать младшего брата.

Так что, если приданое будет богатое и достойное, семья Ли сразу по-другому на неё посмотрит. А это даст ей право голоса, возможность заступаться за родителей, помогать младшему брату. А раз дело касалось младшего брата, родители уж точно знали, как выбирать.

— Где? В каком магазине тканей? — Цинь Пин уже просто рвалась с места. Она лихорадочно вертела головой по сторонам, чуть ли не готовая сейчас же ринуться к Цинь Хэ и Куй У и вырвать у них покупки прямо из рук.

Но как раз в этот момент Ли-ши и не подумала сделать всё так просто. Она мило улыбалась, глядя на неё с видом кроткой заботливой старшей сестры, но голос её был мягко-ядовит:

— По-хорошему, раз ты спросила, я бы и рада ответить. Но всё же ты - новоиспечённая родственница Куй У, даже если он разозлится, с тобой ничего не сделает. А вот я... я с этим Ша-шэнем никакого родства не имею. Если вдруг он узнает, что я тебя подбила, разве мне останется что-либо хорошее? Неужто ты и вправду хочешь, чтоб я ради тебя рисковала жизнью просто так?

Цинь Пин все недоумевала, чего эта Ли-ши, которая обычно, завидев её, кривила нос, говорила язвительные слова и вела себя грубо, сегодня вдруг стала такой приветливой и ласковой. Она уж подумала, что, может, та и правда испугалась, что сильно её дернула, теперь испытывает угрызения совести, а оказывается, всё заранее было задумано, и дело вовсе не в этом. Цинь Пин была в ярости, но, кроме как злобно смотреть на Ли-ши, она, похоже, больше ничего не могла сделать.

А Ли-ши всё с той же доброй улыбкой продолжала подталкивать:

— Если ты правда хочешь получить ту вату и хлопковую ткань, тебе лучше поскорее решиться. А не то потом, когда ты пойдёшь искать, твой брат с зятем уже уйдут. Тогда тебе будет ещё труднее добиться чего-то.

— Чего ты хочешь? — Цинь Пин скрежетала зубами.

— Да ничего особенного. Дай мне пятнадцать вэнь, — Ли-ши всё так же с улыбкой сказала. — Я вот только что с сыном съела порцию овечьих колбасок, как раз пятнадцать вэнь стоила.

— Подумай сама, невестка: за пятнадцать вэнь купить такую информацию, а в обмен получить несколько цзиней ваты и один комплект хлопковой одежды - это же выгодная сделка. Ты точно не в накладе.

Цинь Пин немного подумала, но в конце концов всё же достала пятнадцать вэнь и отдала Ли-ши. Та, сияя от радости, с улыбкой взяла монеты и даже пересчитала - ровно пятнадцать штук.

— Вот ты молодец, — похвалила она, — если бы это был кто-то другой, хоть целую гау (веревка с тысячей вэнь) предложили бы, я бы всё равно не согласилась.

Получив выгоду, Ли-ши ещё и стала притворяться благородной, долго болтала, пока Цинь Пин с раздражением не прервала её. Только тогда та нехотя протянула руку и указала на находящийся неподалёку магазин:

— Вон тот, ты поспеши, я как раз вижу, что твой брат и его муж сейчас ещё там...

Цинь Пин уже и сама заметила. Ей было не до разговоров с Ли-ши, она тут же развернулась и бросилась в лавку тканей.

— Хозяин... хозяин! — ворвавшись внутрь и не успев перевести дыхание, Цинь Пин сразу заговорила: — Дайте мне два цзиня ваты и три с половиной чжана хлопчатобумажной ткани, яркого цвета, самого яркого, зелёного - на свадьбу!

На лице хозяина магазина морщины от улыбки разошлись ещё шире. Их небольшая лавка ведь не могла сравниться с крупными магазинами, куда ходят состоятельные господа с широким размахом. Те не станут и смотреть на мелкие покупки. А их мелкая лавка и существует за счёт таких, как эта девчонка, простых людей из небогатых семей. Заработок у них по чуть-чуть, с каждого.

Сегодня с утра сразу два крупных клиента, обе сделки на сотни вэнь, хозяин лавки был вне себя от радости. Он даже сказал, что утром недаром слышал, как щебечет сорока - видимо, к счастью.

Хозяин тут же позвал единственного работника принести ваты, а сам быстро схватил мерку и стал отмерять ткань, действуя с такой скоростью, будто боялся, что если замедлится хоть на секунду, Цинь Пин передумает.

Пока отмерял, он, улыбаясь, рассказывал:

— Это у нас самая ходовая хлопковая ткань, специально для молодых невест, чтобы шили свадебные наряды. На ней вот узор - тонкие ветви, что символизируют сплетённые судьбы, любовь и единство. Если, барышня, умеете шить свадебные платья и вышивать, то украсите её радостной праздничной вышивкой, будет просто неотразимо, затмите всех красавиц.

Цинь Пин уже и так чувствовала себя окрылённой от похвалы, будто уже представляла себе день свадьбы с Ли Чанфу, как будет блистать в своём наряде, а он будет зачарованно глядеть на неё, ослеплённый её красотой.

Тем временем хозяин уже быстро-быстро отрезал ткань.

— Один чжан стоит тридцать пять вэнь. Всего три с половиной чжана, верно, барышня? — уточнил он.

- А, мм, да, — пробормотала Цинь Пин, совершенно не слыша, что именно сказал лавочник.

В этот момент Цинь Хэ наконец узнал Цинь Пин. У него ведь остались воспоминания прежнего владельца тела, но так как это всё не его собственный жизненный опыт, то и воспринимал он это как кино, отсюда и не сразу понял, что перед ним родная сестра прежнего Цинь Хэ.

Но несколько реплик и он, наконец, сопоставил Цинь Пин с образом в памяти. Он помнил, что в воспоминаниях прежнего хозяина тела, семья Цинь жила небогато. Кроме самого Цинь Хэ - шуаньэра, и Цинь Пин - девушки, в семье был только младший брат лет десяти. Основной доход шёл с их полей, и денег всегда хватало впритык. В этом году дела пошли чуть лучше лишь потому, что они засеяли ещё и землю Куй У, а потом отказались платить ему за аренду, так и появилась некоторая прибыль. Но даже с этой прибылью, при предстоящей свадьбе Цинь Пин, вряд ли бы семья стала столь щедро тратиться, ведь родителям ещё нужно было содержать младшего сына, учить его, а в таких семьях дочь, даже выданная удачно, никогда не была важнее сына.

Цинь Хэ скользнул взглядом и тут же заметил за пределами лавки прячущуюся и украдкой поглядывающую на происходящее Ли-ши с выражением нескрываемого злорадства, и сразу всё понял.

- Далан, заплати, — сказал Цинь Хэ, бросив беглый взгляд на Цинь Пин, будто вовсе её не знал, и даже не подумал поздороваться.

Раз уж его маленький фулан не обращает на неё внимания, то Куй У и подавно не станет заговаривать. Он достал кошель и отсчитал сто двадцать вэней.

- Гости, заходите ещё! — с радостью сказал лавочник.

Цинь Хэ вежливо улыбнулся ему и повернулся к Куй У:

- Пойдём.

- Никуда вы не пойдёте! — наконец вырвалась Цинь Пин из своих розовых грёз, подбежала к ним и раскинула руки, преграждая путь Цинь Хэ и Куй У.

Цинь Хэ чуть заметно нахмурился.

- Вы не можете уйти! Я ещё не заплатила за товар. Заплатите за меня, и тогда идите, — заявила она.

В постапокалиптическом мире Цинь Хэ повидал немало бессовестных людей, но даже самые наглые из них хоть как-то прикрывали свою наглость оправданиями, чтобы казаться хоть немного приличными. А вот такая наглость, да ещё с таким самоуверенным видом, как у Цинь Пин - это он видел впервые. Особенно учитывая, что она когда-то чуть не угробила прежнего Цинь Хэ и теперь рассчитывает, что он просто так ей поможет?

Цинь Хэ усмехнулся:

— Ты покупаешь, а платить должен другой?

На лице Цинь Пин промелькнула тень неуверенности, но лишь на мгновение. Тут же она, будто вспомнив нечто важное, заговорила с видом праведницы:

— Ты же мой старший брат! Старший брат купит младшей сестре немного вещей, что в этом такого?

— А ничего. Просто нет, — Цинь Хэ ответил спокойно, даже без раздражения. Ему не хотелось тратить время на препирательства с Цинь Пин. Он ни во что не ставил прежнюю семью владельца этого тела, и даже тени связи с ними иметь не желал.

Он поднял ногу, собираясь выйти, но Цинь Пин уже полностью ослепла от алчности. Она вовсе не собиралась уступать и неожиданно громко закричала:

— Все, послушайте! Пусть кто-нибудь рассудит! Он мой брат, мы от одной матери рождены! А я его младшая сестра! Я выхожу замуж за господина-цзюйжэня, но у меня нет приданого, не хватает денег, я хотела занять немного, чтобы купить ткань на свадебное платье, а он! Он только что сам купил и вату, и ткань, видно же, что деньги есть! И всё равно не хочет мне помочь! Это что, называется брат? Это вообще человек или нет?

Всегда находятся такие, кто сам ничего не понимает, но считает себя борцом за справедливость. Увидит нечто, что ему кажется «неправильным» и тут же хочет крикнуть, вставить слово, показаться героем и вкусить, каково это - купаться в восхищённых взглядах. Они увидели, что Цинь Хэ и Цинь Пин действительно похожи, как брат с сестрой, а рядом с

Цинь Хэ стоит крепкий мужчина с двумя цзинями ваты в руках и ворохом ткани, да ещё и в коротких сапогах из звериной кожи - одна такая пара стоит как минимум несколько лян серебра, и тут же все ахнули: действительно, богач.

Сразу нашёлся кто-то, кто сам ленив, есть нечего, но вместо того чтобы винить себя, ненавидит богатых. Увидел, и глаза позеленели от зависти. Тут же заорал:

— Это что за брат такой?! Сам в тепле, в комфорте, а сестра себе даже свадебного платья купить не может! Ты сам в ватной тёплой куртке, да ещё в кожаных сапогах, и тебе жалко пару вэней, чтобы купить ей ткань?!

— У тебя совесть есть? Всё себе, всё себе! Даже если ты её раньше в доме унижал, ну сейчас-то уж сестра ведь замуж выходит! Хоть ради того, что она тебе раньше и лошадьё, и быком служила, купи ей хоть немного ткани на свадебное платье! Пусть хоть не в лохмотьях замуж идёт! Или ты хочешь, чтобы тебя потом по улицам пальцем тыкали, плевались вслед, говорили: вот мол, какой брат: сам как господин, а сестру, как попало, выдал?!

- Да что с тобой такое, мерзкий шуаньэр! — закричал кто-то из толпы. — Надел на свою сестру рвань и лохмотья, сам же ходит в ватнике и кожаных сапогах! Да хоть бы парочку таких сапог снял, и не только твоя сестра, а вся твоя семья бы тепло зимовала. Не знаю, как у твоих родителей глаза ещё не вылезли от такого безобразия, неужто слепы и черствы, раз из-за какого-то бесплодного шуаньэра жестоко обходятся с девицей такой красоты...

- А! — в тот же миг один из мужчин в толпе, который ещё секунду назад был самым голосистым, вдруг издал ужасающий крик. Все головы обернулись к нему. Прямо из его фуду (головной убор) торчал кинжал.

Мужчина, казалось, оцепенел и не смел пошевелиться; он вытаращил глаза и смотрел вверх, словно пытаясь увидеть, что же вонзилось в его фуду. Как только он понял, что это действительно кинжал, его колени задрожали, и он описался на глазах у всех.

- Спасите... спасите, убивают! — завопил он.

Толпа, которая только что шумно спорила, в тот же миг рассыпалась, люди бросились кто куда. Но всё же был светлый день, и отважные остались в сторонке, держась на расстоянии, продолжая смотреть происходящее.

- Я... Я хочу заявить в ямен! — взвизгнул мужчина. — Ты из-за того, что я на улице обличил твоё жестокое обращение с родной сестрой, обозлился и захотел меня убить!

Из лавки шаг за шагом вышел Куй У. Цинь Пин больше не решалась преграждать ему дорогу, на самом деле она и сама перепугалась. Вдруг в голове мелькнула мысль: а может, не стоило идти одной? Надо было сперва вернуться домой, рассказать всё отцу с матерью, пусть бы они вмешались.

Куй У был высоким и внушительным. Когда он приближался к тому мужчине, тот почувствовал, будто сама земля под его ногами дрожит. Если бы не было вокруг столько людей, если бы он не рассчитывал, что Куй У не посмеет убить его при всех, он бы, пожалуй, уже стоял на коленях, бил поклоны и молил о пощаде.

- Ты... ты что задумал? Предупреждаю, у меня есть связи в уездной управе! Посмей только тронуть хоть волос с моей головы, пожалеешь! А-а-а, спасите! Убивают! — закричал он, едва Куй У поднял руку.

- Заткнись, — сказал Куй У, вытащил кинжал из головного убора мужчины и вытер его о край своего плаща. Ледяным голосом он произнёс:

- Я - Куй У. Хоть ты с управой знаком, хоть с самой императорской стражей, зови, кого хочешь! Но если я ещё раз услышу, как ты открываешь пасть на моего фулана, вырву тебе язык!

- Ша-шэнь! Это тот самый Ша-шэнь, что отрубал хучжэням руки-ноги, отрезал уши и вырывал языки! — невесть кто крикнул это из толпы, и в одно мгновение люди, словно овечье стадо, в которое вбежал волк, бросились врассыпную.

А тот мужчина, лежащий на земле, испугался до потери контроля, даже угрозами больше не разбрасывался, о ямене и доносе забыл, лишь бы только убраться подобру-поздорову, лишь бы не угодить в руки Куй У и не повторить участь тех хучжэней.

<http://bllate.org/book/13598/1205820>